

Вопросы истории. 1965, № 8

Веб-публикация: **Vive Liberta**

Арон Яковлевич Гуревич

ОБЩИЙ ЗАКОН И КОНКРЕТНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ В ИСТОРИИ

История, как учит марксизм-ленинизм, есть причинно обусловленное, закономерное развитие человеческого общества. Повторяемость определенных связей в истории, проявляющихся всякий раз в иной форме, но имеющих общую сущность, позволяет обнаруживать за бесконечным многообразием как закономерность, так и единство всемирно-исторического процесса. История развивается в рамках определенных закономерностей. Но что же понимать под этим? Есть ли историческая закономерность простой аналог закона природы? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным: закономерности природы, заложенные в самой материи, предполагают неотвратимость и строгую повторяемость; явления природы обнаруживают всеобщую связь и взаимообусловленность. Знание законов природы позволяет предвидеть их действие, преобразовывать природу, осуществлять эксперимент, воспроизводить то или иное явление в лабораторных условиях. Поскольку мы считаем возможным говорить о закономерностях общественной жизни, то и в ней предполагаются регулярность и взаимосвязь. Но закономерности истории не могут существовать вне людей — творцов и участников исторического процесса. Поэтому, признавая объективность общественно-исторической закономерности, не следует ограничиваться лишь таким признанием, необходимо и сознавать особый характер этой закономерности, обусловленный тем, что она осуществляется через людей и людьми. Здесь нет произвола и волюнтаризма, господства случайности, индетерминизма, но историческая закономерность имеет как бы индивидуальный характер, ибо обнаруживается всегда в неповторимых событиях и получает субъективную окраску, пройдя через людей, их поступки и психику, мысли, идеи, чувства. Однако вопрос о с п е ц и ф и к е исторической закономерности мало разработан. Между тем в нем заключена одна из важнейших методологических проблем исторического знания.

Законы, действующие в истории, по степени их универсальности, так сказать, сферы их компетенции, принято подразделять на отдельные группы. К первой относят «общесоциологические законы», действующие на протяжении всей истории человечества (таковы законы соответствия производственных отношений характеру производительных сил, об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, зависимости надстройки от базиса общества); во вторую группу входят законы, являющиеся общими для всех антагонистических формаций (законы классовой борьбы, социальной революции; сюда же, видимо, следует отнести закон общественного разделения труда, порождающего классовое деление общества, и другие); наконец, третью группу исторических законов составляют законы отдельных формаций: капита-

лизма, социализма, перехода от одной формации к другой. Законы третьей группы именуется специфическими законами истории¹.

Расчленение общественных законов на группы представляется целесообразным и оправданным. Различаясь между собой по степени универсальной приложимости к историческому процессу, все они суть законы общего движения человечества в целом либо ряда формаций, либо отдельной формации, взятой, однако, опять-таки в целом. По этой причине, а также потому, что они обнаруживаются в истории всегда лишь в виде тенденций, их следовало бы считать скорее социологическими законами², а не специфическими законами истории в собственном смысле слова, к какой бы из перечисленных выше групп они ни принадлежали.

Закон перехода от одной общественной формации к другой «Философская энциклопедия» относит к специфическим законам истории. Согласно этому закону, в недрах старой, изживающей себя формации рождаются и складываются предпосылки более прогрессивной формации, возникает новый общественный уклад, характеризующийся иным уровнем развития производительных сил и соответствующими им производственными отношениями; достигнув определенной стадии зрелости, новые социальные силы взрывают старое общество, происходит социальная революция: борьба угнетенного класса против господствующего класса кладет конец господству последнего. Хорошо известно, что в течение длительного времени в советской историографии таким образом объяснялось падение Римской империи. Однако такого рода попытка терпела неудачу всякий раз, как только принимались во внимание конкретные факты и процессы истории. На самом деле, в поздней Римской империи наблюдался не прогресс производительных сил, которые должны были, согласно упомянутому закону, перерасти отживавшие рабовладельческие производственные отношения и прийти в конфликт с ними, а скорее застой и даже регресс производства, приведший римское общество в тупик. Вряд ли можно сомневаться и в том, что зачатки феодальных отношений, возникавшие в какой-то мере в недрах рабовладельческого строя, вплоть до падения Римской империи так и не развились на Западе в феодальный общественный уклад; становление феодализма началось собственно после варварских завоеваний в результате сопровождавших их сдвигов в социальном строе Европы. Наконец, совершенно очевидно, что восстания рабов не привели и не могли сами по себе привести рабовладельческий строй к гибели, что рабы не были носителями новых производственных отношений, да и вообще борьба рабов против рабовладельцев, как неоднократно указывали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, не являлась ведущей формой классовой борьбы в античном Риме³. Падение Римского государства было вызвано в первую очередь варварскими завоеваниями, сопротивляться которым империя, ослабленная внутренним кризисом, была не в состоянии⁴.

Значит ли это, что закон перехода от одной формации к другой не относится к историческому процессу перехода от общественных формаций древности к феодализму? Конечно, нет! Это лишь означает, что упомянутый закон представляет собой обобщение такого высокого уровня, что прямая попытка объяснения с его помощью данного периода истории,

¹ «Философская энциклопедия». Т. 2. М. 1962, стр. 156. Ср. «Советская историческая энциклопедия». Т. 5. М. 1964, стр. 604.

² См. В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. О классификации общественных наук. «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 19.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 375; Т. 21, стр. 155, 312; В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 449.

⁴ Вестороннее обоснование этих выводов см. в статье: А. Р. Корсунский. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодализму в Западной Европе. «Вопросы истории», 1964, № 5.

без существенной модификации и спецификации, без учета многих важных моментов, связанных с особенностями рабовладельческого строя Римской империи и общинно-родового строя завоевавших ее варваров, невозможна. Падение Римской империи вряд ли объяснимо только кризисом рабовладельческого строя. Видимо, здесь сыграл роль ряд других существенных факторов. Оставим открытым вопрос о том, возможен ли был вообще переход от рабовладельческого строя к феодальному на основе одного лишь развития внутренних противоречий рабовладельческого общества, без вмешательства сил «внешних» по отношению к Римской империи. Не имея возможности подробно останавливаться в статье на этой проблеме, отметим, что воспроизводство класса рабов совершалось не в недрах рабовладельческой формации, а преимущественно за счет включения в систему рабской эксплуатации все новых и новых масс варваров и других народов, находившихся за пределами рабовладельческого мира⁵. Следовательно, при переходе от рабства к феодализму действовали, переплетаясь между собой, закономерности движения не одной, а двух общественных формаций — рабовладельческой и первобытнообщинной. Ф. Энгельс, говоря о разрешении противоречия, присущего всякому обществу, которое основывалось на рабстве, отмечал: «Разрешение его совершается в большинстве случаев путем насильственного порабощения гибнущего общества другим, более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор пока эти последние, в свою очередь, имеют своей основой рабский труд, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на более высокой ступени, пока наконец (Рим) не происходит завоевание таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства»⁶. Мысль о том, что «коренная революция», которая вывела рабовладельческое общество из тупика, состояла именно в варварских завоеваниях империи, открывших путь для становления феодализма, высказывалась Ф. Энгельсом неоднократно⁷.

Таким образом, содержание глубокой социальной революции, составляющей основу переходного периода от античности к средневековью, не может быть раскрыто на уровне одного лишь общего социологического закона, здесь следует дать объяснение на уровне конкретной исторической закономерности.

Ученый чаще всего исследует по необходимости локально ограниченный и относительно краткий этап исторического процесса, на протяжении которого общий закон может обнаружиться только отчасти как тенденция, какими-либо отдельными своими чертами или даже одной стороной, а подчас и вообще не проявляется, ибо в истории нередки случаи застоя, регресса, реакции и другие явления, противоречащие картине поступательного движения. Ищет ли исследователь в своем эмпирическом материале лишь проявления такого общего закона, о которых шла речь выше? Очевидно, история нуждается в конкретном объяснении происходящего, и простая ссылка на социологические законы вопроса не решает⁸. Тут-то и возникает необходимость понятия конкретной исторической закономерности. Если социологические законы объясняют исторический процесс в целом и могут быть обнаружены только при рассмотрении исторических эпох и больших периодов как общие тенденции развития, то конкретная закономерность истории проявляется на протяжении ограниченных отрезков времени, в конкретной обстановке, и формируется она на основе совокупности всех причинных связей обще-

ственного развития в данном обществе и в данный момент. При учете действия конкретной закономерности приходится считаться не только с ведущей тенденцией развития, которая выражает общие законы социальной прогресса, но и со всем богатством реального содержания общественной жизни, противоборствующими тенденциями, активностью людей, их волей и сознательностью — всеми факторами исторического процесса.

Первоосновой деятельности людей являются производительные силы, состояние которых выражает меру способности людей воздействовать на природу. Каждое новое поколение застает в готовом виде до и помимо него сложившиеся производительные силы, производственные отношения, определенные формы общественного строя, идеологии, культуру. Люди творят историю, исходя из наличных условий, преобразуя их, но в своей деятельности они неизбежно связаны данной их реальностью. Следовательно, их активность обуславливается этим, и «выпрыгнуть» из общества, стать над ним, свободно и произвольно творить свою жизнь они не могут. Обусловленный предшествующим состоянием общества, процесс его развития и преобразования и есть выражение закономерности общественного развития. Но люди обладают волей, эмоциями, идеями, стремлениями, личными и общественными, классовыми интересами, и они не могут не желать их осуществления. Однако, поскольку эти намерения у разных индивидов и групп, классов, прослоек, партий, народов, государств не совпадают, то их усилия никогда не бывают направлены в одну сторону и не суммируются, а потому и их действиями в классовом обществе достигается не столько тот результат, которого они добивались, сколько нечто иное, либо даже прямо противоположное желаемому. Этот результат, обусловленный конкретным сочетанием участвовавших в историческом действии сил, представляет собою своего рода равнодействующую, среднюю статистическую всех этих сил. Он с необходимостью и закономерно вытекает из соотношения сил, вовлеченных в породившую его коллизии. Проявляющаяся таким образом историческая закономерность действительно находится «вне» людей и «над» ними, — в том смысле, что она оказывается не продуктом сознательной деятельности какой-либо группы, правительства или индивида, а чем-то весьма отличающимся от цели, ими преследовавшейся, и им приходится с нею считаться и перед нею склоняться⁹. Но, повторяем, эта закономерность исторического процесса не равнозначна закону природы: и законы истории и законы природы объективны, однако последние внешни по отношению к сознанию и воле людей, тогда как закономерность общественной жизни, будучи равнодействующей усилий и желаний составляющих общество групп и индивидов, усилей, исторически обусловленных, формируется ими самими, хотя и предстает перед ними в виде отличного по отношению к их стремлениям результата. Отсюда подчас возникает фетишизация исторических закономерностей и склонность приравнивать их к естественным законам. К. Маркс и Ф. Энгельс в полемике с идеалистами и субъективистами, говоря, что общественное развитие — это естественноисторический процесс, делал акцент на одну сторону вопроса, но в иных ситуациях¹⁰ они стремились подчеркнуть особенности развития человеческого общества, отличия его от эволюции природы¹¹, имея в виду то решающее обстоятельство, что люди являются не только актерами, но и авторами всемирно-исторической драмы.

⁵ См. М. Н. Мейман, С. Д. Сказкин, К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства. «Вопросы истории», 1960, № 1.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 643.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 149, 154—155.

⁸ См. А. И. Данилов. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука. Сборник «Средние века». Вып. 24, 1963, стр. 9—10.

⁹ См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М. 1951, стр. 11—12; К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 423—424.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 424, 431.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 383, прим. 89: «...По выражению Вико, человеческая история тем отличается от истории природы, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами».

Выступая против «теологической бесчеловечности» младогегельянцев, К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Святом семействе» писали: «История не делает ничего, она «не обладает никакими необъятными богатствами», она «не сражается ни в каких битвах!» Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»¹². Позднее Ф. Энгельс, подчеркивая существенное различие между развитием природы и историей общества, отмечал: «В природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, подтверждающих наличие закономерности внутри этих случайностей. Наоборот, в истории общества действия люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»¹³. Имея в виду прежде всего современное ему капиталистическое общество, Энгельс заключал, что цели, преследуемые людьми, по большей части недостижимы, а результаты, вытекающие из этих действий, вовсе не желательны. Тем самым К. Маркс и Ф. Энгельс ставили перед исторической наукой задачу познания как объективного хода исторического процесса, изучения результатов деятельности людей, так и преломления этой деятельности в их сознании.

Поведение и поступки человеческих коллективов, классов, индивидов в своем взаимодействии и переплетении образуют историческое развитие. Разумеется, деятельность участников исторического процесса детерминирована. Но детерминированность эта никогда не может быть полностью, без остатка сведена к действию, проявлению общего социологического закона, — в той или иной степени человеческая деятельность автономна как по своим причинам, которые бесконечно многообразны, так и по достигаемым результатам¹⁴. Поэтому вновь подчеркнем, что

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 102.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 305—306.

¹⁴ Это относится и к духовной жизни общества. Признавая зависимость сознания от бытия в философском и генетическом смысле (дух вторичен по отношению к материи), а также то, что духовная жизнь общества формируется и развивается под воздействием импульсов, постоянно исходящих из экономической, социальной, биологической, естественногеографической среды, и, следовательно, подтверждена так или иначе действием законов этих систем, мы одновременно, видимо, должны будем согласиться, что развитие духовной жизни тем не менее не сводится к прямолинейному отражению этих воздействий и законов, что она в известной мере самодетерминирована, ибо у нее есть и собственные закономерности. Мы подчас не обращаем должного внимания на кардинального значения факт, что, раз возникнув, та или иная система приобретает относительно автономное содержание и движется по внутренне детерминированным законам. Поэтому к понятию надстройки нужно подходить очень осторожно: не отрывая ее от базиса и полностью учитывая зависимость ее от него и взаимодействие ее с базисом, не забывая вместе с тем и об относительной свободе и самоопределении, которыми обладают надстроечные явления. В особенности это относится к духовной жизни общества. Духовная деятельность человека и общества представляет собой систему, в которой сочетаются принципы автономии и гетерономии; эта система, иначе говоря, развивается на основе законов разных уровней и систем: как собственных законов, так и законов материального бытия, причем не только социально-экономических законов, основополагающих для общества, но и законов природы, которые действуют и в среде, окружающей общество, и в самих людях. Здесь нет, конечно, никакого волюнтаризма: речь идет о понимании общественной жизни в виде взаимосвязанных и взаимообусловленных систем разных уровней (или разных слоев), в основе которых в конечном счете лежит материальное производство, но которые в своем развитии в принципе не сводимы к нему одному. См. С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М. 1957, стр. 319.

специфическая, конкретная историческая закономерность, изучаемая исторической наукой, не есть простая конкретизация или персонализация законов всемирно-исторического развития: она обнаруживается в процессе деятельности людей, в сочетании, столкновениях, взаимодействии усилий всех участвующих в процессе сил и воли в каждый данный момент.

Если общесоциологический закон истории гласит, что в основе исторического процесса лежит развитие производительных сил, определяющее в первую очередь и непосредственно структуру производственных отношений, то конкретная историческая деятельность людей зависит от самых различных причин, среди которых, помимо отношений производства, должны найти место и природные условия, и национальные особенности, и психология, и идеология, и внешние влияния и воздействия, и всякого рода традиции, и уровень культурного развития, и биологические и демографические факторы, и многое другое. Здесь нет, однако, равнозначности, свободной игры факторов, как это утверждают плюралисты. Действие всего множества факторов обусловлено предшествующей стадией развития. Главное же — общественные отношения, то есть отношение между людьми, при всем их многообразии, формируются в конечном счете в соответствии с местом людей в производстве. Анализируя действие исторической закономерности, мы обнаружим в качестве ее объективной основы определенную систему производственных отношений, в рамках которой происходит «игра» всех участвующих в данный момент в движении общественных сил и индивидов.

Конкретная закономерность истории не «вырабатывается» в каждый новый момент произвольно, она вытекает из сложившихся ранее предположений, в ней проявляется ведущая тенденция процесса в целом, но специфическая, собственно историческая закономерность при всей ее несомненной и тесной связи с общим социологическим законом никогда не может быть сведена к его проявлению, действию, — она всегда имеет также и свое, существенное для исторической науки содержание.

Многочисленные факторы исторического процесса находятся в постоянном взаимодействии, они не независимы один от другого. Значимость их действия прежде всего зависит от стадии общественно-экономического развития. Например, роль природной среды существенно меняется при переходе от одной формации к другой. Вместе с тем естественногеографические условия, включающие и природные ресурсы, и климат, и расположение данной страны по отношению к другим странам, оказывают сильнейшее влияние на развитие производства и другие стороны жизни общества. Так, несомненно огромная роль комплекса природных условий в возникновении и интенсивном развитии системы античного рабства в странах средиземноморского бассейна или, скажем, в замедленности эволюции многих народов экваториального пояса¹⁵. Но и те из упомянутых факторов, которые весьма далеки от производства, в определенной, подчас очень большой степени могут оказывать воздействие на общественное развитие. Вспомним мысль Энгельса о тормозящей роли, которую сыграли в исторических судьбах Германии XVII—XIX вв. усталость и бессилие немецкого бюргерства. Ханжество, сентиментальность и раболепие немецких мещан были продуктом социально-

¹⁵ В связи с этим нельзя не отметить ошибочность недооценки роли географической среды в общественном развитии, которая довольно широко распространена в исторической литературе. В специальных исследованиях и учебных изображениях исторических процессов сплошь и рядом оторвано от характеристики природной среды, и влияние ее на общество подчас игнорируется. Проблема «Общество и природа» (или «Человек и природа») еще не разработана нашей наукой, и от изучения многих ее аспектов не могут устраниваться историки. Эта проблема, разумеется, не сводится к влиянию природных условий на человека и общество, важнейшей стороной ее является воздействие человека на естественногеографическую среду, включающуюся в общественно-исторический процесс.

экономического и политического развития Германии между 1648 и 1830 гг., но эти качества, в свою очередь, стали «одним из величайших препятствий для нового подъема»¹⁶.

Нередко можно услышать предостережения против опасности преувеличить значение такого рода факторов в историческом процессе. Разумеется, абсолютизация роли географической среды или народонаселения, психологии или внешнего влияния недопустима. Все эти факторы не действуют изолированно и никогда не определяют закономерность исторического развития. Однако исследователь всякий раз должен учитывать в полной мере все моменты, воздействующие на общественный процесс, не упрощая сложного характера его движущих сил. Более того, вряд ли возможно априорно установить шкалу факторов, определить степень их существенности вне конкретного эмпирического анализа соотношения этих факторов в данный период, в данной стране. Дело в том, что многие из названных факторов исторического развития действуют не непрерывно: в одних условиях выдвигаются в качестве существенных одни моменты, в других условиях — иные, одни факторы могут подавлять другие, а их соотношение постоянно меняется. В этом — еще одно немаловажное отличие исторических факторов от определяющего условия общественного процесса в целом — производительных сил.

Отличие конкретной исторической закономерности от социологического закона, несмотря на их взаимосвязь, состоит в разной природе первой и второй. Общий закон выражает логические связи общественно-экономического плана. Между тем историческая закономерность, как мы видим, вырастает из взаимодействия многих закономерностей, управляющих различными системами: она складывается на основе действия не одних лишь социологических законов, но также и закономерностей экономических, демографических, закономерностей биологической и психической жизни человека, духовной жизни общества, законов природы, во взаимодействие с которой вступают люди. Только совокупность действий всех этих законов и закономерностей (которые и сами по себе не изолированы одна от другой) порождает историческое движение. Конкретная историческая закономерность есть результат пересечения, сочетания закономерностей разных систем. Это пересечение происходит на основе ведущей закономерности, каковой для общества неизбежно является социально-экономический закон.

Таким образом, историческая закономерность в известном смысле шире социологического закона, ибо она создается под воздействием многих детерминант, переплетающихся между собой и вступающих в сложные взаимодействия. В этом отношении она и богаче общего закона, отражая в себе многообразие и разноплановость реального процесса истории. В то же время в конкретной закономерности социологический закон не выступает в полном объеме, ибо первая конъюнктурна и действие ее ограничено во времени, тогда как второй проявляется в целом лишь на протяжении больших периодов.

В исторической закономерности наблюдается повторяемость связей явлений общественного развития, и в то же время индивидуальность, особенность конкретного выражения этих связей. Например, рассматривая крестьянские восстания, волна которых прокатилась по Европе начиная с XIV в., мы видим черты сходства и повторения (в условиях, породивших восстания, в их ходе, в составе участников, в причинах поражения), а также и специфику, делавшую столь несхожими между собой восстание Дольчино, Жакерию, восстание Уота Тайлера, Гуситские войны, движение в Каталонии, Крестьянскую войну в Германии, восстание под предводительством Роберта Кета и другие. В чертах повторяемости нашли свое выражение общие закономерности движения европейского

феодалного общества в XIV—XVI вв., в различиях же выявились разнотипность феодального развития и многообразие конкретных исторических судеб каждой из стран, в которых происходили народные выступления.

По-видимому, мы можем констатировать два ряда закономерностей общественного развития: первый составляют общесоциологические законы, законы-тенденции, действие которых обнаруживается при рассмотрении больших отрезков истории, формаций, эпох или даже всемирно-исторического процесса в целом. Эти законы сформулированы историческим материализмом. Они представляют собой высшее обобщение исторического процесса, его синтез, произведенный на уровне философии и социологии. Историческая наука в своей непосредственной практике не открывает и не формулирует эти «макрозаконы», но она использует знание их как важнейшее средство изучения реальной действительности. Решающим критерием отличия марксистско-ленинской исторической науки от буржуазной историографии является то, что историки-марксисты в своих исследованиях руководствуются законами исторического и диалектического материализма.

Второй ряд исторических закономерностей изучается собственно наукой истории. Эти закономерности не обладают в отличие от социологических законов свойством универсальной применимости к разным периодам, народам и странам. Основное свойство этих закономерностей — сочетание моментов повторяемости и индивидуальности проявления¹⁷. Можно ли в таком случае называть их закономерностями? С нашей точки зрения, это необходимо. Понятие закономерности в данном случае выражает строгую обусловленность и внутреннюю связь происходящего конкретно-исторического процесса.

Историческая закономерность есть детерминированность и причинная связь исторических явлений. Как уже говорилось, последняя не может быть вскрыта путем простого приложения содержания общесоциологического закона к эмпирическому материалу. Причинные связи и обусловленность конкретного исторического процесса наука обнаруживает посредством всестороннего и детального анализа всей совокупности явлений жизни общества во всех ее аспектах. Конкретная закономерность истории может быть вскрыта только в результате эмпирического исследования и обобщения его результатов.

Не возникает ли, однако, при такого рода разграничении двух уровней теоретического анализа общественного развития разрыва между ними и противопоставления одного другому? Нам кажется, что исследование под этим углом зрения различных направлений в историографии и философии истории обнаруживает две крайности. Первая состоит в отрыве причинности от закона. Такова, собственно говоря, точка зрения большинства буржуазных историков и теоретиков исторической науки. Они отказываются видеть в истории естественно-закономерный процесс прежде всего на том основании, что не находят в ней строго повторяющихся явлений. Эта позиция, ведущая к отказу считать историю наукой, неоднократно подвергалась критике в нашей литературе¹⁸.

Другая крайность сводится к попытке подменить конкретную закономерность общественного развития общим социологическим законом и растворить в нем без остатка и причинность и иные формы взаимосвязи исторических явлений. Нельзя закрывать глаза на то, что подобная тенденция имеет место в советской исторической и философской лите-

¹⁷ См. Е. М. Штаерман. О повторяемости в истории. «Вопросы истории», 1965, № 7.

¹⁸ См. И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959; его же. Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки. «Вопросы истории», 1963, № 9.

ратуре, в частности среди тех авторов, которые не усматривали различий между историческим и диалектическим материализмом, с одной стороны, и исторической наукой, руководствующейся этим учением, — с другой. Распространение такого взгляда объясняется в первую очередь господствовавшей долгое время в нашей идейной жизни установкой, согласно которой никаких других законов истории, помимо законов исторического материализма (к тому же в субъективной их интерпретации и редакции), не существует. Кстати, нетрудно заметить, что крайности сходятся. Историк, подменяющий действительное объяснение исторического процесса ссылкой на законы исторического материализма, по существу, отказывается от научного анализа причин описываемого им процесса и впадает в чистейший эмпиризм. Ныне мы все яснее понимаем жизненную необходимость поиска иных, более плодотворных форм сочетания исторической науки с социологией, окончательного отказа от догматизма, душившего живую творческую мысль историков.

Задача преодоления обеих тенденций, каждая из которых на свой лад является ложной и бесплодной для развития науки, исключительно актуальна. Нам представляется, что именно в данной связи было бы весьма полезно уточнить функции, которые выполняют закономерности разного рода в историческом познании¹⁹. При этом следует отчетливо представлять себе, в каком смысле производится такое членение. Конкретная закономерность исторического процесса познается историком, неизбежно руководствующимся общими теоретическими представлениями. Чтобы закономерная причинная взаимосвязь исторических явлений была правильно и глубоко изучена, историк должен исходить в своей исследовательской работе из социологических законов, отнюдь не подгоняя под них конкретный материал. Эти законы служат методологической, теоретической основой исторического исследования. Кроме того, они необходимы ученому при изображении истории в целом или обширных ее периодов, при периодизации исторического процесса. Возможно, правильно было бы сказать, что в то время, как в философии общие социологические законы исторического развития играют и онтологическую и гносеологическую роль, охватывая как сферу бытия, так и сферу знания, являясь логически выправленным изображением исторического процесса, взятого в целом, в историческом исследовании эти общие законы выполняют в основном гносеологическую функцию, ибо они суть средства познания конкретной реальности, но не отражение ее во всем многообразии, пестроте и полноте, без которой нет истории²⁰.

В построении историка изученная им закономерность как бы накладывается на общесоциологический закон или, вернее, вбирает в себя это понятие, обогащается за счет его. При этом историк не «наряжает», конечно, «макрозакон» по «моде» изучаемой эпохи и страны. Знание общесоциологических законов составляет мировоззрение историка-марксиста, конкретные исторические закономерности — результат исследования, которое он проводит, опираясь на это научное мировоззрение.

Если принять предложенное выше разграничение между исторической закономерностью и социологическим законом, то следует рассмотреть некоторые вопросы, вытекающие из понятия конкретной закономерности. Прежде всего это вопрос о природе исторического детерминизма. Превратное понимание исторического детерминизма — одна из характернейших черт критики марксизма-ленинизма буржуазными

¹⁹ О необходимости исследования специфических исторических закономерностей см.: П. Н. Федосеев и Г. П. Францов. О разработке методологических вопросов истории. «Вопросы истории», 1964, № 3; см. там же выступление М. Д. Камарина (стр. 46).

²⁰ Ср. В. И. Приписнов. О соотношении исторического материализма и исторической науки. «Вопросы философии», 1961, № 1, стр. 107.

историками и философами. Свои нападки на учение исторического материализма — в одних случаях явно недобросовестные, в других — вследствие непонимания — большинство из них старается обособить тем, что материалистическое толкование истории якобы исходит из концепции фатальной неотвратимости всего совершающегося. Марксизм, пишут они, предполагает жесткий механизм действия общественных законов, своего рода неуклонно вращающееся «колесо истории». По их представлению, этот механизм оставляет людям лишь одну возможность: приспособляться к безличным и неумолимым законам. Более того, они считают, что никакого активного воздействия на процесс свободы выбора и действия исторический материализм не допускает. Критики учения Маркса инкриминируют ему исторический провиденциализм. По словам К. Лёвита, марксово учение о смене общественно-экономических формаций будто бы есть не что иное, как материалистически истолкованная библейская эсхатология: роль «избранного народа» в учении Маркса выполняет пролетариат; вся история до эпохи социализма есть лишь ее подготовка, коммунизм же — цель всемирной истории, ее завершение (здесь автор проводит аналогию с христианским «концом света») и «пришествием Христа»²¹. Место библейского бога и гегелевского абсолютного духа, пишет И. Гоммес, в учении Маркса в качестве двигателя мира заступают производительные силы²². Марксизм, утверждают такого рода критики, видит в истории результат деятельности не индивидов, а классов, поведение которых всецело обусловлено способом производства. Подчинив личность коллективу, марксизм якобы не только лишает ее всякой свободы, но и снимает с индивида какую бы то ни было ответственность за его поступки, ибо считает, что все свертается согласно стоящему над человечеством тотальному закону. Признание фатальным процесса истории влечет за собой оправдание безответственности и аморальности²³.

Подобная интерпретация марксистско-ленинской теории исторического процесса не имеет ничего общего с подлинным содержанием этого учения. Только слепцы или фальсификаторы могут приписывать фатализм революционной философии, впервые развязавшей неисчерпаемую инициативу широчайших масс народа и направившей ее на борьбу за освобождение от эксплуатации, за построение общества нового типа, без классов и эксплуатации. Противники марксизма-ленинизма не желают видеть того, что учение о формациях не априорная схема, а результат философского анализа действительного хода истории. Они не упоминают о том, что исторический материализм рассматривает формулируемые им законы общественного развития как законы-тенденции, пробирующие себе дорогу среди многообразия реального исторического процесса, и бесконечно далек как от схематизации последнего, так и от проведения аналогий между историческими законами и законами природы. Однако антимарксисты не могут не знать того, что роль, которую выполняет в истории современного мира рабочий класс, не предписана ему Марксом, а естественно, объективно вытекает из положения пролетариата в капиталистическом обществе и что Марксу принадлежит лишь заслуга раскрытия этой всемирно-исторической миссии рабочего класса.

На вопросе о нападках буржуазных идеологов на марксистско-ленинское учение о закономерности исторического процесса можно было бы не останавливаться, если бы не одно обстоятельство. В советской научной литературе совершенно недостаточно разработаны такие суще-

²¹ K. Löwith. Meaning in History. Chicago. 1957, p. 35, ff.

²² J. Hommes. Der Technische Eros. Das Wesen der materialistischen Geschichtsauffassung. Freiburg, 1955.

²³ I. Berlin. Historical Inevitability. London. 1954.

ственные категории исторического материализма, как возможность и необходимость, закономерность и случайность в применении к истории; к анализу конкретных исторических процессов. Между тем здесь далеко не все ясно. Марксистско-ленинская философия и историческая наука призваны дать бой нашим идейным противникам, но для этого мы должны быть во всеоружии своей теории. Нам предстоит тщательно изучить мысли основоположников марксизма-ленинизма относительно характера исторического процесса и продолжить углубленный анализ приходящих ему категорий.

В связи с вопросом о соотношении общих социологических законов и конкретной исторической закономерности хотелось бы высказать несколько соображений о такой категории, как возможность. Вследствие неузурченности ее содержания мы можем лишь попытаться в общей форме наметить некоторые пути ее исследования. В самом деле, представляет ли собой историческая закономерность однозначную необходимость такого рода, которая заранее исключает какие бы то ни было иные, кроме совершившегося, возможности развития? Иначе говоря, существует ли в истории и, соответственно, применима ли в исторической науке категория возможности? Или же правильно считать, что все происшедшее имело характер неотвратимости и никакими другими путями история идти не могла? Вероятно, кое-кому такой вопрос покажется праздным: то, что было, — было; чего не было, — того не было, все остальное — из области гадания на кофейной гуще. Однако это не так просто.

Вопрос об альтернативных вариантах исторического развития, не осуществившихся в действительности, но возможных в определенных реальных условиях, важен для уяснения характера исторических закономерностей. В этом смысле постановка вопроса о принципиальной осуществимости в ходе исторического процесса иных вариантов, не тех, которые имели место, представляется правомерной. Разумеется, необходимо уточнить, что имеется в виду под альтернативой реализовавшейся возможности. Если мы исходим из положения, что одним из признаков конкретной исторической закономерности является то, что она выступает как равнодействующая участвующих в движении социальных сил, как своего рода средняя статистическая всех действующих в данный момент одинаково и раз но направленных волей (в свою очередь, детерминированных всею совокупностью реальных общественных отношений), то не следует ли предположить в каждый такой момент возможности различных вариантов исторического развития? Те или иные компоненты, взаимодействие которых порождает историческое движение, могут иметь различную силу и направленность, и от изменения этих факторов зависит изменение результирующей равнодействующей.

Активность и энергия общественных деятелей, партий, классов приводят к победе и осуществлению одних имеющихся тенденций и подавлению других. Но активность и эффективность действий масс, групп и индивидов определяются бесчисленными и практически подчас непредвиденными обстоятельствами. В плане общего исторического процесса эти обстоятельства и порождаемые ими результаты могут представляться случайными. Тем не менее они накладывают отпечаток на процесс, отклоняя его «вектор», ускоряя либо замедляя ход, а нередко и существенно меняя характер этого процесса. Спрашивается: достаточно ли ссылки на кризис феодального строя и показа созревающих в его недрах капиталистических отношений для того, чтобы обосновать неизбежность буржуазной революции? Известно, что при наличии этих основных условий революции может не произойти: во-первых, для нее нужна еще и революционная ситуация, а во-вторых, даже в условиях последней возможны разные исходы: в одних случаях —

революционный взрыв, в других — «рассасывание», изживание революционного накала вследствие тех или иных «привходящих обстоятельств» (реформы 60-х годов XIX в. в России, начало первой мировой войны и т. д.). В этих случаях реальная возможность революции (в смысле наличия объективных условий) не осуществляется, развитие событий принимает иной характер.

Каков же диапазон подобных «колебаний вектора»? Обычный ответ гласит: исторический закон прокладывает себе дорогу через хаос случайностей. На наш взгляд, такой ответ может считаться удовлетворительным в социологии, но недостаточен в исторической науке. Действительно, общие законы исторического развития, подобные закону смены социально-экономических формаций, мало подвержены воздействию всякого рода привходящих обстоятельств, и последние подчас могут не быть приняты во внимание, — но лишь на уровне социологии! Однако историческая наука изучает конкретные закономерности, а не «макрзаконы», и ее точка зрения на исторический процесс отнюдь не взгляд с высоты социологических обобщений. От историков требуется анализ всех имевших место конкретных явлений и детальное их объяснение. При подобном подходе следует признать, что возможные варианты исторического процесса весьма многообразны и чреватые самыми серьезными последствиями для дальнейшего его хода.

Например, приход к власти разбойничьей национал-социалистической партии был подготовлен предшествовавшим развитием Германии, где фашизм нашел социальную базу. Но была ли победа гитлеровцев над демократическими силами неизбежна и неотвратима? Нет. Однако она оказалась возможной, и возможность эта осуществилась. При большей сплоченности и политической активности рабочего класса, при условии преодоления разобщенности между компартией и социал-демократами Германии и при ряде иных конкретных условий гитлеровский переворот мог бы быть сорван. Но этого не произошло, и, в свою очередь, победа наиболее агрессивных сил империалистической реакции в Германии привела к неисчислимым бедствиям как внутри страны, так в Европе и во всем мире. Развязывание гитлеровской кликой второй мировой войны, а равно и большие временные успехи германского милитаризма также не были неизбежны. Они стали возможны вследствие паралича Лиги наций, неподготовленности ряда европейских стран к отражению агрессии, нежелания других стран оказывать ей отпор, главное же — в силу антисоветской и антирабочей позиции, занятой капиталистическими правительствами Запада, и обусловленной ею политики умиротворения и уступок агрессору. Таким образом, возможность обуздания гитлеризма была сорвана, победила тенденция наиболее катастрофического хода событий, и за это человечество расплатилось сотнями миллионов убитых, замученных, искалеченных, колоссальным разрушением материальных и культурных ценностей.

Фатальной неизбежности именно данного хода событий никогда нет, всегда имеется множество тенденций развития, представляющих собой не только разные варианты одного и того же порядка (различные пути в одном и том же направлении), но подчас и противоречащие друг другу, диаметрально противоположные. Все они возможны, то есть могут осуществиться при наличии определенных условий. Практическая деятельность, активность людей, политика государств, классов, партий приводят к победе одной из возможных тенденций, и то, какая из них победит в данный момент, зависит от многих и многих причин, а отнюдь не только от действия общих законов истории. Среди этих причин мы можем встретить и такие, которые не обусловлены предшествующим развитием и представляют собой с точки зрения этого развития как бы внешние, привходящие обстоятельства.

Если же считать историческую необходимость инвариантной или допускающей лишь несущественные, случайные «отклонения от нормы» (типа небольшой отсрочки или ускорения того или иного события, выполнения поставленной историей задачи другим героем вместо действительно фигурировавшего в ней исторического персонажа и т. п.), то в этом случае следовало бы доказать, что так называемые случайности на самом деле взаимно уравновешиваются, вследствие чего и не могут иметь существенных последствий. Но как это можно доказать? Вместе с тем что мешает предположить обратное, а именно суммирование случайностей одного рода, приводящее к существенному «отклонению вектора»? Всякое историческое событие — результат стечения многих способствовавших ему обстоятельств. При другом их стечении могло бы совершиться иное событие, влекущее за собой (при воздействии всех остальных факторов) опять-таки иные последствия, нежели те, какие имели место в действительности, и так была бы порождена целая цепь событий и явлений — иной вариант развития. При обсуждении вопроса о роли случайности в истории необходимо разграничивать разные формы случайностей, уровни, на которых они происходят, ибо под это понятие нередко подводится все, от «носа Клеопатры» до катастрофы, погубившей какую-то древнюю цивилизацию. Нам кажется, что наиболее важный вопрос в данной связи — это вопрос о таких случайностях, которые оказывают существенное влияние на последующие события общественного плана.

Примером такого вторжения случайности, не обусловленного внутренними закономерностями, но заметно изменившего ход исторического развития, могут служить колониальные захваты XVI—XIX веков. Они представляют собой закономерный результат предшествовавшего развития Западной Европы по пути капитализма, требовавшего новых рынков, богатств, оперативного простора. Но в истории народов Америки, Азии, Африки, Австралии, Океании эти захваты ни в коей мере не вытекали закономерно из их внутреннего развития в предшествовавшую эпоху. Экспансия европейцев насильственно нарушила ход истории этих народов, прервала их эволюцию. Не будь завоеваний и колонизации, история этих народов сложилась бы иначе. Проявление существенных закономерностей капиталистического способа производства, колониальные захваты были случайностью в плане внутреннего развития внеевропейских народов. Случайность на одном уровне и в одной системе развития в то же время есть закономерность на другом уровне исторического процесса, в другой системе отношений. Нужен ли более яркий пример такого вторжения случайности в «нормальный ход» истории, которое привело к глубочайшим изменениям, коренным образом определившим дальнейшие судьбы большинства народов мира?!

Путь истории — это не заранее и раз навсегда проложенная трасса или колея. История ничем не запрограммирована и не предопределена. Свершившееся представляется нам неизбежным, но лишь постольку, поскольку иные возможности не реализовались. Естественно, что историк ищет обоснования для происшедших событий и предлагает их объяснение, ибо ничто в истории не совершается без причины. Но соотношение категорий закономерности и возможности, необходимости и неотвратимости, неизбежности и случайности должно быть глубоко изучено. Между тем ни философы, ни историки пока не дали пригодного для конкретно-исторического исследования решения этих важных вопросов. Поскольку теоретическое содержание названных категорий остается нераскрытым, то и в специальных работах эти проблемы не могут получить полного звучания. Нередко же они вообще не возникают.

Историк, который представляет исторический процесс как нечто неотвратимое и исходит из убеждения, что совершившееся было единст-

венно возможным результатом всего предшествующего, неправомерно исключает иные, нереализованные возможности, не изучает различных и, может быть, даже взаимно противоположных тенденций развития, всегда имеющихся в обществе. В чем причина такой позиции иных историков? Для истории существует лишь одно направление течения времени, это процесс необратимый. Поскольку «переиграть» историю невозможно, нельзя и проверить иные варианты, если они имели место в прошлом. Мы неизбежно рассматриваем историю ретроспективно и судим о причинах по их результатам. Но такая точка зрения благоприятствует возникновению чувства уверенности в том, что действительно происшедшее в истории и было единственно возможным и неотвратимым, что никакой альтернативы не существовало и существовать не могло.

Утвердившееся в науке в XIX в. убеждение в закономерности прогресса общества с самого начала несло на себе сильный отпечаток влияния гегелевских идей. «Всё действительное разумно, всё разумное действительно»: совершившееся и совершающееся закономерно обусловлено, и, с другой стороны, все закономерное неизбежно осуществится, закон обязательно и неотвратимо проявит себя. Неоспоримо, что все совершившееся может быть рационально объяснено, показано в причинной, закономерной связи. Нет недетерминированных исторических явлений. Но нельзя согласиться с другой частью гегелевской формулы: «всё разумное действительно». Не предполагает ли она, что всегда есть лишь одна возможность, которая неизбежно осуществляется? Такое следствие вытекает, видимо, из гегелевской абсолютной системы, но с точки зрения исторического материализма такой вывод неприемлем и недоказуем. Это гегелевское положение исходит из идеалистического представления о законе истории, стоящем над людьми, тогда как на самом деле закономерности истории суть не что иное, как результат каждый раз конкретно складывающихся обстоятельств, обусловленных объективным положением производства и общества, но в колоссальной мере зависящих и от воли и действий составляющих общество классов, групп, индивидов.

Итак, вполне возможно представить себе, что накопление однородных случайностей в истории привело бы к существенно иному результату. И эта мысль отнюдь не кажется нам праздною. Она важна для уяснения логической природы категории случайности. Не называем ли мы случайностью не осмысленную историками причину среди других причин, принятых его разумом как таковые? Это тот фактор исторического развития, который мысль историка не может включить в систему закономерных связей. Но подчас то, что прежде относили к разряду случайностей, теперь могут понять рационально, и ныне почитаемое за случайное в будущем, возможно, окажется вполне объяснимым и включенным в причинную связь.

Поскольку объяснение исторических явлений связано с отнесением их к системе оценок, которой обладает историк, постольку возникает предположение: не состоит ли различие между тем, что историк считает закономерной причиной, и тем, что он относит к случайности, в различии между тем, что может быть подвергнуто такому соотношению, и тем, что не имеет к нему отношения? Иначе говоря: объяснение, подводимое логикой историка под обобщение, есть причинное объяснение; не поддающееся обобщению, считаемое историком «нетипичным», «уникальным», объявляется случайностью. Но если в приведенном рассуждении о случайности есть резон, то историк должен был отдавать себе отчет в том, что даваемое им объяснение всегда есть логическая конструкция, а не простое («фотографическое») отражение действительных связей истории. История как изображение процесса и история как объективный

процесс (в своих причинных связях и обусловленности) никогда не совпадают. Эту тривиальную истину, имеющую силу по отношению к любому познанию, должен помнить историк хотя бы для того, чтобы не сбрасывать со счетов то, что ему непонятно.

Случайностью называют индивидуальные, уникальные причины события, в отличие от «рациональных» его причин, многократно встречающихся в истории и поэтому подводимых под понятие исторического закона. С точки зрения историка, случайностью является то, что нарушает «нормальный ход истории». Но само представление о «нормальном ходе» исторического развития опирается на некую теорию его, на систему оценок, и эта теория всегда «выправляет» реальный исторический процесс в соответствии с его законами. Объяснение исторического процесса всегда избирательно: среди известных им причин историки отбирают рациональные, относя к категории случайности те причины, которые не помогают или мешают интерпретировать историю в свете принятой ими исторической теории, философии истории. Поэтому без категории случайного историк не может обойтись так же, как он не может «избавиться» от философского анализа истории.

Однако не следует забывать о действительном значении этого понятия в процессе исторического познания и принимать средство познания за историческую реальность. Историки и философы не могут осмыслить этого понятия, если они придерживаются одного из следующих двух допущений. Первое допущение: если отрицается всякая закономерность, в таком случае все недетерминировано и, следовательно, случай правит миром и история сводится к нагнетанию случайностей. Историк при этом может, конечно, придавать смысл истории предлагаемыми им объяснением, но сама по себе история (как бывшее в прошлом) этого смысла и законосообразности начисто лишена и представляет собой бесконечную игру случайностей²⁴. Второе допущение: при признании единого, тотального «макрозакона», под который якобы должны быть подведены все явления и посредством которого они будто бы могут быть объяснены, остающееся необъясненным на основе этого закона считается случайностью. Но если видеть в истории результат постоянного действия и взаимодействия многих закономерностей разных планов и уровней: социально-экономических, естественногеографических, биологических, психологических и других — при признании, подчеркнем еще раз, общественных законов за основополагающие и профилирующие, — то при таком рассмотрении случайность, по-видимому, оказывается необходимым продуктом пересечения этих закономерностей. Не вернее ли было бы сказать так: собственно из того, что мы именуем случайностями, и складывается конкретная закономерность, которая есть не что иное, как средняя статистическая всей суммы тенденций развития, бесчисленных, а потому никогда не устанавливаемых наукой полностью, «случайных» воль, поступков, событий, действий?

В определении, которое гласит, что закон истории пробивает себе дорогу через случайности, предполагается, очевидно, противоположность категорий закономерности и случайности. Здесь случайности мыслятся как силы, действующие извне на «вектор» закона и стремящиеся его отклонить от главного направления (от «столбовой дороги истории»), и лишь взаимное уравновешивание противоположных по своей направленности случайных сил дает закону возможность «пробиваться» своим путем. На уровне общесоциологического объяснения исторического процесса это положение истинно и справедливо, но оно не раскрывает конкретной специфики исторического явления. Понимание специфической исторической закономерности как средней статистической действия всей

совокупности закономерностей общественной жизни и закономерностей, влияющих на нее, нам кажется, помогло бы несколько иначе толковать противоположность между закономерностью и случайностью в историческом процессе. Мы увидели бы, что историческая закономерность не существует вне случайностей.

Таким образом, проблема случайности и закономерности в истории теснейшим образом связана с проблемой возможности и необходимости. Следует подчеркнуть, что на нынешнем этапе развития исторических знаний и разработки философских проблем исторической науки мысль об инвариантности исторического процесса глубоко неверна и бесплодна для науки. Если понимать закономерность исторического процесса как неотвратимость и однозначность и считать, что история может принимать лишь одну форму, в которой она и совершается, не оставляя никаких иных возможностей и вариантов, то конкретное объяснение ее сделалось бы, по существу, излишним: достаточно было бы постулировать общие законы истории и в каждом данном событии находить их проявление!²⁵

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что ссылка на одни лишь общие законы социального развития не только бесплодна в теоретическом отношении, она и в высшей степени вредна этически. Ясно, что создавать или отменять объективные законы общественной жизни люди не в состоянии. Но то, какая из реальных возможностей исторического развития победит в данный момент, в какой именно форме она осуществится, насколько полно выявится эта тенденция процесса, зависит от соотношения социальных сил, от степени их активности, сознательности, в конечном счете — от энергии людей, составляющих группы, классы, партии. В понимании исторической закономерности как результативной всех участвующих в движении элементов существенно подчеркнуть именно фактор человеческой активности и возможность, — более того, необходимость — влияния ее на исход всего движения.

Наука истории принадлежит к тем отраслям человеческого знания, которые имеют прямое отношение к нравственности. Общественное значение истории невозможно правильно оценить, если не принимать во внимание ее этическую функцию. История воспитывает. Только знание истории может дать обществу и человеку глубокую перспективу, установить связь настоящего с прошлым и тем самым включить конечное — жизнь каждого человека и поколения — в бесконечное — в жизнь рода человеческого. Часто говорят, что история — память человечества, или общественная память человека²⁶. Правильнее было бы сказать, что история есть самосознание общества и человечества. Без чувства историзма распадается связь времен. Чтобы быть «учителем жизни», историческая наука должна вселить в человека чувство уверенности в своих силах, знание того, что он не игрушка в руках судьбы, не песчинка, носимая ветром, и не покорный исполнитель предначертанного свыше закона, а творец собственной жизни и истории.

²⁵ При обсуждении доклада П. Н. Федосеева и Г. П. Францова о методологических вопросах исторической науки высказывалась мысль, что специфические закономерности истории отличаются от общесоциологических законов качественно, но не принципиально («Вопросы истории», 1964, № 3, стр. 46). С этим можно согласиться, но хотелось бы отметить, что, сводя специфические закономерности общественного развития к одному лишь проявлению общих законов его или, во всяком случае, не вскрывая иных их оснований (см. «Философская энциклопедия», М. Т. 2, стр. 149; СИЭ. М. Т. 5, стр. 603), мы рискуем потерять особое качество этих закономерностей и рассматривать их опять-таки как простую иллюстрацию к действию общих «макрозаконов». См. Н. Б. Биккенин. К проблеме соотношения общих и специфических законов развития. «Вестник МГУ», № 3, 1957, стр. 107—120; Г. Глезерман. О законах общественного развития. М. 1960, стр. 139—142.

²⁶ См. В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. Указ. соч., стр. 18.

²⁴ См. Th. Lessing. Geschichte als Sinnggebung des Sinnlosen. München. 1921.

Решение в положительном смысле вопроса о существовании специфических исторических закономерностей, которые не могут быть подменены социологическими законами или сведены к ним, важно как в теоретико-методологическом отношении, так и для конкретной исследовательской работы историков. Обоснование и осмысление разграничения между общими законами и конкретными закономерностями истории могли бы способствовать освобождению исторической науки от фактологического эмпиризма и вместе с тем от неправомерного оперирования абстрактными схемами, употребляемыми в качестве универсальных отмычек, при помощи которых мистифицируется ход истории. Необходимо помнить, что признание основных законов истории, рассматриваемой в целом или на протяжении больших отрезков времени, не должно заслонять от нас важности изучения неисчерпаемого многообразия исторического процесса, неповторимых конкретных ситуаций, которые непрерывно возникают в ходе его, досконального и всестороннего исследования индивидуальных исторических фактов²⁷. Причинное объяснение фактов и явлений прошлого, основывающееся на понимании взаимозависимости и взаимодействия многообразных сторон действительности, требует установления связи причинности с исторической закономерностью; но всегда конкретная причинность связана с не менее конкретной специфической закономерностью и лишь через нее, сложно опосредствованно — со всеобщими социологическими законами истории.

²⁷ Анализ методологии исследовательской практики историков-марксистов, несомненно, обнаружил бы, что во многих трудах фактически применяется понятие специфической исторической закономерности, несводимой к общесоциологическим законам. Но мы столкнулись бы и с отражением в иных работах конфликта между абстрактной схемой и подгоняемым к ней фактическим материалом (наподобие приведенного выше примера — о переходе от античности к средневековью). Тем важнее теоретическое осмысление проблемы соотношения общего закона и конкретной закономерности истории.